

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*В.Б. ПЕТУХОВ***Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте**

Общепринятого понятия "терроризм" в науке на сегодняшний день не существует. Несмотря на то, что исследователи используют огромное количество различных определений терроризма, унифицированной сущностной концепции не выработано. Более того, у некоторых зарубежных и отечественных исследователей сложилось мнение о принципиальной невозможности данной дефиниции. Пессимистический взгляд на перспективу выяснения сущности терроризма высказал один из наиболее авторитетных исследователей данного явления У. Лакер, акцентировавший внимание на наличие в терроризме случайного, иррационального, недоступного пониманию элемента: "Не должно быть иллюзий по поводу того, что можно выяснить о происхождении и характере терроризма. Установлению поддается лишь тот факт, что при одних обстоятельствах террор чаще осуществляется, чем при других, и что при некоторых обстоятельствах он вообще не может иметь корней... Перегруженный значением по своей природе термин не поддается всем усилиям выработать всеобъемлющее и объективное определение терроризма. Такое определение не существует и не будет найдено в обозримом будущем" [Laqueur, 1977, p. 170]. Таким образом, Лакер фактически вынес проблему за пределы научного анализа, признавая ее некий иррационалистический характер.

Отрицание самой возможности выработки общего и единого определения терроризма в корне ошибочно, ибо основывается на ложной посылке о принципиальной закономерности и неизбежности терминологической путаницы. Вопрос заключается лишь в том, насколько последовательно и точно термин применяется к явлению и что становится главным критерием для определения сущности понятия.

С позиций социокультурного анализа наиболее перспективным путем определения терроризма выглядит информационно-семиотический подход. Если представить терроризм как сложно организованную информационную систему, то в террористическом процессе конституируются три ключевых блока: 1) источник информации; 2) передатчик информации; 3) получатель информации. В контексте данного видения проблемы, предназначение теракта есть передача некоего послания, направленного властной элите, определенным общественным кругам или социуму в целом и отражающего мировоззренческие позиции адресантов. На первом этапе начальный блок задает импульс информационного сообщения. Роль адресанта-заказчика террористической деятельности берет на себя определенное социально-политическая или общественная организация, заинтересованная в изменении политической ситуации в пользу

Петухов Валерий Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры "История и культура" Ульяновского государственного технического университета.

своих властных амбиций. Это могут быть политические партии (например, партия социалистов-революционеров в России в начале XX в.); националистические, национально-освободительные и сепаратистские движения (например, Хамас в Палестине); религиозные общественные течения (например, ваххабизм); профессиональные и коммерческие корпорации или службы безопасности иностранных государств. Данные политические субъекты (условно их можно назвать террорократическими) нередко имеют легальные и легитимные формы своего институционального функционирования, но для осуществления своих целей они создают нелегальные террористические организации, формирующиеся по конспиративно-сетевому принципу автономного управления.

Важнейший фундаментальный признак социальной самоидентификации террористов – их вовлеченность в соответствующие организации. Собственно говоря, полноценным субъектом террористической политической деятельности человек может стать только через организационно-оформленную социальную структуру, нацеленную на политическую борьбу. Вне такого рода рамок экстремистская личность оказывается крайне ограниченной в возможностях достижения целей. Иницилирующей, формирующей и организующей силой, сплачивающей их в единое целое, выступают террорократические силы и группы влияния, которые и "заводят" механизм террористической деятельности, находящейся до того в латентном состоянии. Они придают действиям террористов-одиночек организованный структурированный и релевантный характер; привносят в террор идейно-политическую осмысленность и мотивированность; программируют и направляют хаотические импульсы протеррористического сознания в необходимое для них русло общественно-политической активности. Можно сказать, что террористские корпоративные общности генерируются из аморфного, хаотического бродячего движения экстремистских личностей путем их организационного упорядочения различными социально-политическими силами и направленного использования устрашающего воздействия последних на социум.

Организирующие террор силы создают и идейно-риторические конструкты, так или иначе объясняющие и оправдывающие деятельность террористов, придающие ей некий "высший смысл". Ведь адепты терроризма остро нуждаются в идеологической доктрине, обосновывающей и придающей смысл их деятельности. Как правило, именно через идеологию террористы обретают уверенность и убежденность в своей правоте. Основа их социокультурного мировоззрения обеспечивается идеологической доктриной той базовой социально-политической организации, которая являлась инициатором создания данной террористической корпоративной группировки. Через нее происходит радикализация и экстремализация террористического образа жизни, внедряется нацеленность на насильственные деструктивные практики и методы борьбы.

Есть еще один аспект в характеристике первого этапа террористического процесса в его информационно-семиотической интерпретации. Смысловая нагрузка, которая изначально задается иницилирующей террор социально-политической элитой, внедряется в информационное пространство террористической среды путем манипуляции сознанием, введения в него адекватных ценностно-нормативных ориентаций и провоцирования соответствующих психологических реакций. Современные PR-технологии представляют террорократии на этом пути широкий спектр возможных вариантов. В одних случаях используется игра на противоречивости авторитетных религиозных источников с односторонней экстремистской интерпретацией текста Корана, как это практикуется ваххабитскими улемами. В иных обстоятельствах происходит спекуляция на мистике и увлечении людей паранормальными явлениями (так осуществлялась вербовка в террористическую секту Аум Сенрике). Часто применяются технологии, основанные на обострении оскорбленного чувства социальной справедливости или ущемленного национального достоинства. Таким образом, идеологическая манипуляция становится важнейшим средством мобилизации террористов на непримиримую борьбу с противниками.

Первый этап информационного террористического процесса не ограничивается внедрением идеологии социально-политического заказчика в террористическое движение и манипуляцией сознанием носителей терроризма. На уровне собственно террористического сообщества происходит частичное изменение первоначального террористического послания. Оно приобретает новые смысловые и аксиологические оттенки, впитывая в себя инструментальную агрессивность коллективных представлений, сфокусированных на разрушение личностной мотивационной акцентации террористов. И в связи с подобным проявлением интериоризованного внутритеррористического информационного пространства возникает необходимость его семиотической дешифровки. На чем, собственно, строится мировоззренческая основа террористических убеждений? На мой взгляд, на доминировании мифологической формы мышления у приверженцев терроризма. Система их взглядов на мир и общественные отношения опирается на архаические пласты общественного сознания, сходные с мифологическим способом освоения действительности.

Итак, возвращаясь к намеченной ранее условной схеме информационного террористического процесса, можно констатировать, что в теракте смыкаются два относительно самостоятельных, близких друг другу по общей направленности, но различающиеся по фактору генезиса мировоззренческих позиций информационных потока. Соединение их в единое целое, безусловно, усиливает поражающий эффект воздействия. Однако между выделенными позициями существует определенный "зазор", обусловленный имеющимися функционально деятельностными противоречиями в сфере их нормативных взаимоотношений.

Любая террористическая организация строится на принципах замкнутой узколокальной группы сектантского типа. Это диктует особые специфические формы образа жизни и стиля поведения носителей протеррористического мировоззрения. На первый план выступает строжайшая дисциплина. В этой связи очень характерна позиция авторитетного лидера партии эсеров, возглавлявшего ее боевое крыло, Б. Савинкова: "Существование террористической организации... невозможно без дисциплины, ибо отсутствие дисциплины неизбежно приводит к нарушению конспирации, а таковое нарушение в свою очередь неизбежно влечет за собой аресты. Дисциплина же террористической организации достигается не тем, чем она достигается, например, в армии, – не формальным авторитетом старших; она достигается единственно признанием каждого члена организации необходимости этой дисциплины для успеха данного предприятия. Но если у организации нет практического дела... то неизбежно слабеет дисциплина: отпадает единственный импульс для поддержания ее. А с ослаблением дисциплины организация становится легкой добычей полиции" [Савинков, 1990, с. 154]. Аналогичным образом известное исламское террористическое движение Хамас провозглашало: "Успех борьбы зависит от того, насколько нам удастся запугать противника и сломить его сопротивление. Для этого необходимо совершать акции устрашения во имя Аллаха, причем каждая акция должна быть хорошо спланирована и иметь смысл. Планирование подразумевает полную дисциплину, подчинение плану и решениям руководителей. Акции должны идти одна за другой; противник ни на минуту не должен чувствовать себя спокойно. Воины Аллаха – борцы. В этом постоянный смысл всей их жизни" (цит. по [Ольшанский, 2002, с. 138]).

Из сказанного понятно, что жизнь террористической организации в целом, как и каждого террориста в отдельности, – жизнь в непрерывном движении, в котором подготовка террористического акта сменяется его осуществлением для того, чтобы сразу же начался поиск очередного объекта агрессии. То есть это постоянная форма существования и регулярной деятельности. Замкнутость и конспиративность террористических ячеек, их фанатическая сосредоточенность на своей "работе", абсолютизация внутриорганизационной дисциплины неизбежно приводят к усилению автономности и независимости от породившего их социально-политического центра. На начальном этапе деятельности террористических организаций эта тенденция практически не ощущается. Но, по мере укрепления своего положения и повышения авторитета внут-

ри террористического сообщества вследствие успешных акций, локальные террористические корпоративные группы все чаще подчеркивают свою функционально-оперативную самодостаточность и самостоятельность в принятии решений как тактического, так и общего стратегического плана.

Савинков в полуавтобиографическом романе "То, чего не было", а также в воспоминаниях убедительно показал, как небольшие поначалу трещинки во взаимоотношениях ЦК партии эсеров и Боевой Организации (БО) постепенно превращались в обширные зоны непонимания и недоверия к руководящей и направляющей силе ЦК эсеров. Анализируя эти сведения, можно увидеть, как происходило утверждение собственных нормативно-утверждающих полномочий БО в области террористической деятельности, игнорирующих принципы политической целесообразности, которые исходили от центра.

Тех же самых принципов независимости, самостоятельности действий и неподконтрольности кому бы то ни было придерживались террористические группы С. Радиева, А. Бараева, Р. Гелаева и особенно Ш. Басаева, действовавшие в Чечне в конце 1990-х–начале 2000-х гг. Установить над подобными боевыми отрядами какой-либо более или менее серьезный контроль не удавалось ни Д. Дудаеву, ни тем более настроенному на заключение мирного договора с Россией А. Масхадову. Причина такого положения кроется не в личностных характеристиках политических руководителей Чеченской Республики Ичкерия и даже не в межклановых и межтейповых противоречиях, а в закономерности эволюционного развития террористических объединений, приводящего к сетевой децентрализованной системе самоуправления. Парадокс информационного террористического процесса заключается в том, что за слиянием двух протеррористических информационных потоков скрыт их конфликт, в котором просматриваются внутренняя разобщенность терроризма и его обреченность на аутентичную дезинтеграцию.

Однако в эпицентре террористического процесса в момент непосредственной подготовки и совершения теракта наблюдается мощная консолидация всех протеррористических сил, участвующих в данном насильственном проекте. Информационный взрыв, связанный с терактом, – это вызов, обращенный к противникам и социуму в наиболее жесткой устрашающей и провоцирующей форме военного противостояния¹.

Информационный вызов терроризма, явленный через метаморфозы суррогатной войны, обнажает аномическую регрессию первоначальных терророносных смыслов и рефлексий, обретает туманные очертания пугающей иррациональности. Он облачается в театральные формы выражения, стремясь достичь апогея драматической напряженности. В период совершения теракта террористический процесс вступает в новую фазу информационного развития. На этом этапе посредством СМИ осуществляется передача устрашающего информационного послания боевиков непосредственному адресату – массовой недифференцированной аудитории. Семиотическое пространство такого послания, воплощенное в теракте, резко расширяется в границах смыслового содержания и оценочных рефлексий. Шоковое состояние масс усугубляется хаосом непроверенной информации, панических слухов и предположений, ретранслируемых СМИ. Телевидение, Интернет, печать, радио становятся в это время не только проводниками терророносной информации, но и механизмом расширенного воспроизводства терророфонического воздействия. Одним из главных факторов семиотического расширения террористической манифестации служит столкновение в едином инфор-

¹ Следует обратить внимание, что уже первоначальный импульс терроризма, заданный террорократическими кругами, стремящимися к власти, обнаруживает явную тенденцию к милитаризации конфликта. В этой связи уместно вспомнить о соотношении понятий "война" и "терроризм". Принято считать, что последний термин, как явствует из его этимологии, обозначает прежде всего акцию устрашения, осуществляемую преимущественно против некомбатантов (см. [Кива, Федоров, 2003, с. 131–132]).

мационном поле различных, противостоящих друг другу, интерпретационных схем и социально-политических акцентаций.

В связи с этим вопрос о дефиниционных границах сущностных определений терроризма в массовом общественном сознании имеет принципиальное значение. С одной стороны, он позволяет лучше понять особенности массового социокультурного восприятия данного концепта, с другой – дает возможность диагностировать степень террористического воздействия на социум. Прояснить этот вопрос помогают социологические исследования. Так, вскоре после террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Центр стратегического анализа и прогноза РФ провел специальный опрос среди москвичей. На вопрос, «что означает слово "терроризм"», из более тысячи респондентов-москвичей 47% ответили: это – "террористические акты"; 38% дали оценочные ответы: "преступление", "варварство", "насилие" и т.п.; 12% затруднились ответить или же не захотели говорить на данную тему; 2% честно сказали "не знаю". И только 1% опрошенных попытались определить террор как чьи-то действия, направленные на достижение какой-либо определенной цели [Ольшанский, 2002, с. 11–12].

Результаты этих и других подобных социологических исследований показали, что в массовом сознании россиян господствует аморфное, слишком туманное и расплывчатое представление о понятиях "терроризм" и других сходных дефинициях. Определения, данные населением в ходе опросов, фиксируют эмоции возмущения и негодования, но от этого сами явления, о которых шла речь, не становятся более ясными, а скорее превращаются в некое мифическое воплощение зла. Благодаря деятельности СМИ терминологическая неразбериха в массовом общественном сознании усиливается. В СМИ терроризмом называются какие угодно общественные явления и преступления – бандитизм, заказные убийства, геноцид, религиозный фанатизм, сепаратизм, военные мятежи, уличные беспорядки, демонстрации, заговор с целью захвата власти, хулиганство, мафиозные разборки, пиратство, шпионаж. С легкой руки прессы и телевидения в общественное сознание внедрили такие понятия, как "телефонный терроризм", "экономический терроризм" и даже "художественный терроризм" или "кухонный терроризм".

Ознакомившись с использованием упомянутых терминов, можно сделать вывод, что любое явление, каким-то образом связанное с насилием, называют терроризмом. В этом запутанном клубке витальных образов уже совершенно неразличимыми и абсолютно идентичными оказываются такие специальные научные понятия, как "радикализм", "экстремизм", "фанатизм", "фундаментализм", "ваххабизм", "сепаратизм", "террор". Все они в массовом общественном сознании как бы растворяются в едином коммуникативном рефлексивном потоке. Столь расширительная трактовка терроризма как социокультурного феномена, его гиперболизация, вероятно, отражают устрашающий эффект воздействия на социум, безотчетный страх насильственных действий, направленных отовсюду, а лучше сказать – из "ниоткуда", который порождается неизвестностью и неопределенностью места, времени и характера насильственной угрозы.

Иррационализм террора в информационно-психологическом пространстве имеет определенные векторы своего эмоционально-чувственного определения. Они показывают, как под воздействием террористического акта у людей с неустойчивой психикой проявляется комплекс апокалиптических настроений ожидания будущих катастроф. Катастрофическое сознание всегда служило и служит теперь питательной основой для воспроизводства террора: подобный страх оплодотворяет терроризм. Левада-Центр в течение шести лет проводил систематические опросы населения Российской Федерации с целью выяснить представления россиян о терроризме. Эти опросы в достаточной степени репрезентативны и охватывают от полутора до двух тысяч человек в 128 населенных пунктах 46 регионов страны.

Судя по данным исследованиям, 78–86% респондентов постоянно опасаются того, что они сами или их близкие окажутся жертвами теракта. Страх – почти имманентная характеристика их существования. Причем примерно у половины опрошенных это чувство опасности выражено латентно, в приглушенных тонах ("в какой-то мере опа-

саюсь"). Границы психологического восприятия страха перед терроризмом малоподвижны и колеблются в пределах 3–4%. Однако треть респондентов боится терактов очень сильно. В экстремальные периоды их численность увеличивается на 30–40%, а интенсивность психологической реакции способна достигнуть панических настроений [Рост... 2004].

Следовательно, анализ социологических данных позволяет говорить об устойчивости терророгенного эффекта устрашения по отношению к массовой аудитории. Но воздействие данного явления на социум этим не ограничивается. Осмысление проблемы терроризма приводит к пониманию того факта, что в общественном сознании сформировался целый ряд интерпретационных мифов о терроризме, которые можно представить следующим образом.

Миф о биологической предопределенности терроризма. Для него характерна убежденность в том, что генетические корни терроризма кроются в биологической природе человека, в природной инстинктивной силе агрессивности, которая находит выход в насилии над незащитными людьми. В данном случае происходит отождествление терроризма с общей категорией насилия. Следствием такого объяснения происхождения терроризма является утверждение о том, что каждый человек – носитель террористического генома, скрытого под внешней оболочкой культуры. Напомню, что еще в начале XX в. З. Фрейд концептуировал агрессию в качестве "инстинкта смерти", который обуславливает разрушительное поведение человека [Фрейд, 1992, с. 111–112]. Другой видный представитель натуралистической школы К. Лоренц объяснял неотъемлемую агрессивность человеческой природы более адекватно: "Прежде всего надо отметить, что губительная энергия агрессивного инстинкта досталась человеку по наследству, а сегодня она пронизывает его до мозга костей; скорее всего, эта агрессивность была обусловлена процессом внутривидового отбора, который длился многие тысячелетия (в частности, прошел через ранний каменный век) и оказал серьезное влияние на наших предков. Когда люди достигли такого уровня, что сумели, благодаря своему оружию, одежде и социальной организации, избавиться, в какой-то мере, от внешней угрозы погибнуть от голода, холода или диких зверей, то есть когда эти факторы перестали выполнять свою селективную функцию, тогда, вероятно, вступила в свои права злая и жестокая внутривидовая селекция" [Lorenz, 1963, S. 67]. То есть человеческие существа не обладают врожденным желанием убивать и уничтожать. Однако осмысление терроризма как врожденного агрессивного инстинкта достаточно распространено в современном общественном сознании, особенно среди лиц, оправдывающих насилие и терроризм.

Миф о терроризме как проявлении патологического состояния психики. Этот архетип, укоренившийся в массовом сознании, исходит из предположения о том, что террористы – психически больные люди, а их агрессивно-угрожающее неадекватное поведение – отражение серьезного душевного заболевания. Комплексные социально-психологические исследования не подтверждают того факта, что психические аномалии выступают первопричинами террористической деятельности. Американский социопсихолог М. Цейджмен на основе изучения более 500 биографий террористов пришел к выводу о вполне нормальном психическом состоянии подавляющего большинства исследованных им личностей [Терроризм... 2005, с. 6]. Конечно, среди террористов встречаются и параноики, и откровенные маньяки, и индивиды с репрессивными формами психоза, есть и зафиксированные статистикой клинические случаи патологического проявления террористических перверсий. Но не они определяют генетические истоки данного явления. И хотя в психике террориста может присутствовать патологический компонент, который "находится на своеобразной условной шкале, где-то между явной здоровой акцентуацией характера, на одном полюсе, и психопатией эпилептоидного типа – на другом полюсе" [Ольшанский, 2002, с. 164], в основной массе террористы психически здоровы. Большинство исследователей мотивации терроризма отмечают, что "явная психопатология среди террористов достаточно редкая вещь и для этого утверждения есть все основания" [Психологи... 1995, с. 42].

Миф о внеполитическом характере терроризма или, как вариант, его уголовной обусловленности. Это представление широко культивируется политическими элитами и обслуживающей их частью ученого и экспертного сообщества. Так, по мнению П. Уилкинсона, миф о терроризме должен быть деконструирован: "Мы должны сказать правду... Терроризм – это просто кровавое убийство. Все, кто потворствует ему или идеализирует и поощряет его, – пособничают и подстрекают к убийству и калечению невинных людей" [Wilkinson, 1986, p. 30]. Ряд исследователей, фактически отождествляя террористические акты и терроризм, делают акцент на уголовной сущности последнего. В частности, В. Комиссаров и В. Емельянов утверждают: "Для мирового сообщества в настоящее время стало очевидным то, что терроризм – это разновидность обычных уголовно-наказуемых деяний, квалифицируемых по соответствующей статье уголовного закона, а не какая-то специфическая политическая акция, требующая особого подхода. Тот факт, что ряд террористических действий совершается по политическим мотивам, не превращает их из преступления в некую политическую борьбу, требующую политического убежища" [Комиссаров, Емельянов, 1999, с. 41]². С этой позицией полностью солидарен бывший генеральный прокурор, а ныне министр юстиции РФ В. Устинов, который аргументировал свою точку зрения практической потребностью юридическо-процессуальной системы в обеспечении твердой уголовной базы по обвинению террористов. «Понимание терроризма именно как традиционного преступления, обладающего лишь специфическими криминологическими особенностями, исключительно важно, прежде всего, для целей эффективного сотрудничества по вопросам уголовного правосудия. В частности, выделение терроризма и преступлений террористической направленности в группу "политических преступлений" (в силу идеологической составляющей терроризма как явления общественно-политической жизни) заведомо создает препятствия в таких вопросах, как выдача, а также взаимная правовая помощь по уголовным делам» [Устинов, 2002, с. 26]. По существу, научный анализ термина здесь подменен утилитарным юридическим подходом. Бесспорно, террористические акции, как и другие формы террористической деятельности, могут и даже должны соотноситься с уголовными преступлениями, а их организаторы, участники и исполнители должны нести за это ответственность согласно законодательным нормам.

Однако сведение терроризма к уголовщине нивелирует и упрощает его смысловое содержание, игнорирует его социально-политическую природу, мешая тем самым выработке эффективных мер антитеррористической борьбы. Нормативно-правовая интерпретация террористической деятельности, безусловно, должна рассматриваться с позиций уголовного законодательства, но только в диапазоне конкретных форм уголовно-наказуемых деяний: совершение террористического акта, участие в террористических организациях и т.д. Что же касается общей концепции терроризма, то она, вероятно, не подпадает под юрисдикцию законодательного регулирования, обладая чертами символической ситуативной многозначности, не позволяющей осуществлять адекватную правовую оценку.

Миф о национально-этнической и религиозной детерминации терроризма. В быденном сознании терроризм нередко определяется по национальной или религиозной принадлежности представителей террористических движений. Примером может служить свободное хождение в СМИ таких словосочетаний, как "палестинский терроризм", "иракский терроризм", "чеченский терроризм", "исламский терроризм" и т.д. В тех социокультурных сообществах, где наметился рост ксенофобских настроений, появляется тенденция считать некоторые народы предрасположенными к террористическому образу жизни. Одновременно в либеральном секторе общественного сознания существует мнение, согласно которому откровенно террористические дей-

² Емельянов особо категоричен в своих утверждениях, объявляющих "всякий терроризм уголовным, ибо никакого неуголовного терроризма не существует" [Емельянов, 1997, с. 65].

ствия трактуются как проявления справедливой национально-освободительной борьбы народов за независимость. В конце XX–начале XXI в. особенно широкое распространение получило представление о том, что террористы в подавляющем большинстве – выходцы из мусульманского мира, воспитанные на исламских традициях.

Толкование этнонациональных и религиозных факторов в качестве системообразующих элементов терроризма чревато усугублением социальных конфликтов. Вместе с тем в массовом сознании пока еще не сформировалась твердая убежденность в отсутствии у терроризма основополагающих национальных и религиозных корней. Несмотря на периодически появляющиеся в общественных дискуссиях и выступлениях политических деятелей сентенции типа "терроризм не имеет национальности", "терроризм и ислам вещи несовместимые" и т.п., в обществе нет понимания того факта, что терроризм, в силу своих мимикрирующих способностей, может облачаться в любые идеологические одежды, оставаясь деструктивным способом устрашения.

Миф о международном терроризме в контексте глобализации. Термин "международный терроризм" приобрел в последние годы столь широкое распространение, что стал восприниматься как знаковое символическое воплощение одного из основных объектов международной политики. Он достиг положения очевидного, само собой разумеющегося явления. Глобальный статус терроризма аргументировано доказывается интернациональным составом террористических организаций; расположением тренировочных баз и объектов террористических нападений в отдаленных друг от друга странах; многоканальной системой международного финансирования деятельности террористов; децентрализованным сетевым принципом взаимосвязи и управления, а также многими другими, вполне обоснованными факторами. Однако понятие "международный терроризм" все чаще употребляется в чрезмерно расширительном смысле, всецело поглощая конкретные формы его проявления. В своем абсолютизированном и гиперболизированном значении он стал превращаться в фантомный образ вселенского мирового зла, угрожающий самим основам человеческой цивилизации.

В контексте рассмотрения процессов глобализации подобная расширительная интерпретация международного терроризма становится еще более актуализированной и претензионной. Международный терроризм, под которым обычно подразумевается исламистское террористическое движение, в политизированном информационном пространстве рассматривается как сила, противостоящая совокупному Западу во главе с США, и как реакция на глобализацию, которая происходит в форме доминирования и господства стран "большой восьмерки" (уместно вспомнить известную концепцию С. Хантингтона о конфликте цивилизаций).

Для многих людей террористические акции, совершенные исламистскими террористами в различных регионах земного шара, – выражение глобального цивилизационного столкновения либерального Запада и авторитарного мусульманского Востока. Между тем теория столкновения цивилизаций превращается в широкомасштабную провокационную идеологическую диверсию, внедренную в массовое общественное сознание с целью использовать фактор международного терроризма как инструмент гегемонистской внешнеполитической стратегии. Идея конфликта цивилизаций, возведенная в степень "войны миров", противоречит реальной сложившейся ситуации, так как абсолютизирует, с одной стороны, единство Запада, а с другой – единство экстремистских устремлений Востока, игнорируя внутрицивилизационные противоречия. Придание понятию "международный терроризм" фетишистских качеств объекта глобализации мифологизирует его и создает трамплин для манипуляции общественным мнением.

* * *

Итак, мифологическое пространство после совершения терактов расширяется очень активно. Кроме уже обозначенных мифологических конструкций, распространены мифы о социально-экономической детерминации терроризма, о его революци-

онности, об аномическом максимализме, о форме деформированной социализации, о вынужденной деловой стратегии слабых, и т.п. Все они, как правило, отражают гипертрофированные представления о "разбухании" отдельных сторон рассматриваемого феномена. Некоторые из них инспирируются террорократической элитой, другие – создаются самими террористами. Значительная часть возникает в результате политических PR-технологий, запускаемых в эфир противоборствующими политическими группировками. Наконец, существует большое количество мифов, авторами которых выступают СМИ, просто стремящиеся к сенсации. Так, на третьем этапе информационно-террористического процесса происходит не только ретрансляция террористического послания, обращенного к обществу, но и его многовекторная интерпретация различными социальными силами. В хаотическом смешении информационных потоков, мифов, несущих в себе множество смыслов, оценок, эмоциональных всплесков, спекуляций, агрессивных выпадов, возникает и развивается терророфонический эффект воздействия.

Терророфония – неотъемлемая важная часть террористического процесса, которая не только фиксирует социокультурную адаптацию терроризма в массовом общественном сознании, но и запускает механизм психологических изменений в менталитете, мировоззрении, образе жизни – как на личностном, так и на общесоциальном уровне. Так как терророфония складывается из многих разноразличных по влиянию и масштабу информационных импульсов, сила, характер и общая направленность ее воздействия на социальную среду в значительной мере зависят от позиции массмедийных интерпретаторов террористического послания. В зависимости от уровня их квалификации, принципиальной и объективной позиции и, безусловно, понимания меры своей морально-нравственной ответственности перед обществом, выявляются про или антитеррористическая траектория пути терророносной информации.

Но СМИ и Интернет не являются конечным пунктом информационно-террористического процесса. Вторичный массив информации, переработанный массмедийными средствами, имеет рефлексивную способность к обратному отражению, обращенному к отправителям, в частности к носителям протеррористического мировоззрения. Вследствие предполагаемого эффекта обратного информационного отражения, прогнозируется принципиальная возможность воздействия на последующие поступки террористов. Кроме того, социокультурные рамки терророфонии в постмедийный период значительно расширяются, так как в процесс включаются новые информационные каналы влияния, например, кино и художественная литература. Происходит очередной виток информационно-террористического процесса, в результате которого терророносная информация приобретает иные формы и очертания, переосмысливается в художественных образах, кодируется в определенных символах и знаках. В дальнейшем художественно-преобразованная информация дает следующий импульс рассматриваемому процессу: теперь уже воображаемая, виртуальная террористическая действительность воздействует и на общественное мнение, и на террорократическую элиту, и на власть, против которой борются реальные террористы, и на самих субъектов террористического действия.

Подводя итоги размышлениям о сущности терроризма, можно констатировать, что мифологема "терроризм" в контексте информационно-семиотического подхода – обобщающее понятие, обозначающее комплексное социально-политическое и социокультурное явление, основанное на перманентном демонстративном устрашении социума и власти посредством жестких политически мотивированных насильственных актов, направленных против безоружных гражданских лиц, не имеющих непосредственного отношения к конфликту. Представляя собой сложную, многоликую и поликаузальную систему, терроризм включает в себя несколько уровней информационного развития и функционирования. Просматривается цепь взаимосвязанных элементов передачи информационного послания террористов: от первого адресанта–источника информации (заказчика, террорократической элиты) – ко второму адресанту–источнику информации (исполнителям терактов) – к первому ретранслятору информации

(печатные СМИ, телевидение, Интернет) – ко второму ретранслятору информации (кино, художественная литература) – к конечному адресату и получателю информации (власти и социуму). При рассмотрении терроризма как информационного процесса в единой информационной системе сопрягаются не только террористы (идеологи, организаторы, функционеры и исполнители), но и политические вдохновители террористической деятельности, а также социокультурные институты, выполняющие роль посредника, передатчика, интерпретатора и преобразователя терророносной информации. Как мне кажется, такой исследовательский подход позволяет адекватнее осмысливать террористический процесс в рамках его социокультурного воздействия на современный социум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Емельянов В.П.* Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, 1997.
- Кива А.В., Федоров В.А.* Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Комиссаров В.С., Емельянов В.П.* Террор, терроризм, государственный терроризм: понятие и соотношение // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 5.
- Ольшанский Д.В.* Психология террора. М., 2002.
- Психологи о терроризме. “Круглый стол” // Психологический журнал. 1995. № 4.
- Рост терроризма в России. 2004. 4 октября (www.levada.ru).
- Савинков Б.* Воспоминания. М., 1990.
- Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы “Круглого стола”) // Вопросы философии. 2005. № 6.
- Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002.
- Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
- Laqueur W.* New Terrorism. Oxford, 1977.
- Lorenz K.* Daz Sogenante Bose. Zur Naturgechichte der Aggression. Wien, 1963.
- Wilkinson P.* Terrorism and the Liberal State. Basingstoke–London, 1986.